

УДК 396(571.56=37)«19»

Русская женщина в сельской Якутии второй половины XX века¹

© **Винокурова** Лилия Иннокентьевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: lilivin@mail.ru.

Русские женщины Якутии в сельской местности второй половины XX века представляли социальную группу со сложным составом. Отдельный интерес вызывают русские женщины, прибывшие работать по государственному контракту. В повседневности им приходилось преодолевать социокультурные вызовы, включая и гендерные. Успешной социализации русских женщин в якутских селах способствовали общие политические факторы, а также региональные этнокультурные традиции.

Ключевые слова: социальная история, гендер, русские, повседневность, Север, Якутия.

Russian woman in the rural Yakutia in the second half of the XX century

© **Vinokurova** Lilia Innokentievna, Ph. D. in History, Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of the Arctic Research of the Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the RAS. E-mail: lilivin@mail.ru.

Abstract

Russian women of Yakutia in the rural areas of the second half of the XX century were a social group with a difficult complex structure. The separate interest is Russian women who came to work on a governmental contract. In daily life, they had to overcome the social and cultural challenges, including gender. Successful socialization of Russian women in the villages of Yakutia promoted general political factors, as well as regional ethno-cultural traditions.

Keywords: social history, gender, Russian daily life, North, Yakutia.

В такой большой стране как Россия бесспорна значительная вариативность положения женщин в зависимости от региональных условий. В российских провинциях в течение только прошедшего XX столетия проходили различные, в том числе противоречивые, социальные процессы, воздействовавшие на формирование гендера. В регионе Севера, Сибири и Дальнего Востока специфика местных условий в сфере гендера проявлялась и по отдельным районам. В этом свете представляют большой интерес гендерные характеристики русского населения Якутии, конструируемые и демографическими и этнокультурными особенностями

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 11-13-14002а/Т.

края. Существует значительный круг научной литературы, посвященной истории русского населения края. Особенно богата дореволюционная историография, блистающая именами С. П. Крашенинникова, Ф. П. Врангеля, А. Ф. Миддендорфа, А. П. Щапова, В. И. Иохельсона, Ф. Я. Кона, И. И. Майнова. Процессы формирования русского старожильческого населения Якутии, его хозяйственная деятельность, межэтнические отношения освещены в трудах Ф. Г. Сафронова, Г. П. Башарина, В. Н. Иванова и других исследователей; особенностям этнокультурного развития русских, живущих в инонациональном окружении, уделили внимание И. Г. Романов, Т. П. Петрова. Русские периода советской Якутии не становились отдельной темой исследования, отдельные аспекты темы, в частности этнокультурные и демографические, рассматривались в трудах Д. Г. Брагиной, В. Б. Игнатъевой. Христианство – еще одно направление русской истории Якутии. Развитие православия в регионе, история православного миссионерства изучены Е. Е. Шишигиным, А. П. Николаевым, И. Е. Юргановой, также эта тема затрагивалась в работах Т. Н. Оглезневой, С. И. Бояковой, Н. Д. Васильевой, О. Д. Якимова и др. Но в «русской» историографии Якутии специальных работ, посвященных женщинам, нет. Пока предпринимаются только отдельные шаги по реконструкции места и роли русской женщины в социальном пространстве региона.

В течение почти четырех веков русские по национальности женщины составили органическую часть населения, интегрировались во все социальные структуры, внесли собственный вклад в формирование регионального сообщества, социальной стабильности, духовно-нравственной сплоченности и культурной толерантности. Статус и место русской женщины в сложных социальных сетях полиэтничного и поликонфессионального края изменялись в ходе исторического времени, адаптируясь к меняющимся социально-экономическим и культурным условиям. И как это ни парадоксально, не только частная жизнь, гендерное поведение, но и вопросы трудовой занятости, профессиональной самореализации, общественной деятельности женщин русской национальности ранее не становились предметом отдельного научного внимания.

Изучение существующей гендерной литературы и обзор региональных источников подтверждают отсутствие специальных исследований по теме и источников прямого назначения. Отметим, что на материалах Республики Саха (Якутия) не изучалась в целом эволюция гендера за продолжительный период, не освещалось гендерное поведение женщин отдельных этнических групп. Кроме краеведческих и биографических изданий в научной печати пока очерчены лишь отдельные штрихи к портрету якутянок разной национальности периода перестройки и кризиса конца XX века [3]. Феномен русской женщины, живущей в иноэтнич-

ном окружении, предоставляет широкую палитру исследовательских вызовов, тем более если окружающее общество отличается от ее «материнского» этноса расовой принадлежностью, культурными нормами и стереотипами.

В рамках статьи, учитывая обширность темы, сосредоточимся на конкретном промежутке времени: предпринята попытка изучения случая «русская женщина в селе Якутии» в хронологических рамках 1970–1980-х годов. В статье востребованы данные из опубликованных источников и литературы, в частности, проливающих свет на тематику межнациональных браков. Использованы полевые материалы автора, собранные при поддержке РГНФ за 2001–2011 годы в малых селах Центральной Якутии, у представителей якутской и славянских этнических групп. Анализ сосредоточенного материала продиктовал и ракурс освещения: русская женщина в зеркале сельской устной истории.

В рассматриваемый период якуты численно доминировали на селе, оставаясь по существу «сельским народом». В 1970 году 80,5 % от общей их численности проживало в сельской местности, в 1979 году – 76,9 %, в 1989 году – 74,3 % [4, с. 17]. В сельских поселениях преимущественно также проживали представители коренных малочисленных народов Севера, что было обусловлено характером традиционных занятий коренных народов и меньшей миграционной мобильностью. Сельская местность и сегодня продолжает оставаться сферой жизнедеятельности коренных этносов, целые группы районов в современной Якутии практически мононациональны. В традиционные отрасли в основном трудоустраиваются постоянно проживающие в данной местности представители коренных народов.

В 1970 году в Якутии постоянного населения было всего 664 123 человек, к 1989 году численность населения выросла до 1 094 065 человек, то есть именно в этот период отдаленная северная республика впервые в своей истории «перешагнула» миллионный рубеж населенности. Русские составляли в 1970 году 47,0 % всего населения республики, якуты – 43,0 %; доля русского населения постепенно росла: по данным переписи 1979 года доля русских в общей численности якутян была 50,4 % и к концу 80-х годов оставалась на уровне 50,3 % [6, с. 8; 4, с. 9]. Но в сельской местности Якутии проживало относительно немного русских – в 1970 году всех русских на селе было 39,6 тыс. человек, в 1979 году – 58,3 тыс. человек, а в 1989 году – 53,9 тыс. человек. Около 54 тыс. человек сельских русских в миллионной республике – это небольшая группа. Женщин среди сельских русских было всегда меньше, чем мужчин: по официальным данным в 1970 году их было 18 647 против 20 973 мужчин; 27 172 против 31 162 мужчин в 1979 году и 25 085 против 28 873 мужчин в 1989 году [4, с. 17].

Понятно, что численное преобладание мужчин объясняется характером труда и уровнем жизни в сельской местности: для женщин выбор рабочих мест на якутском селе остается узким и сегодня. В 1970–1980-е годы русская женщина в якутской деревне могла претендовать на место в сфере сельскохозяйственного производства, в учреждениях образования, здравоохранения, культуры и торговли. Если она была новоприезжей и не имела соответствующего образования и профессии, то ей могли предложить место доярки, телятницы, полевода в местном совхозе. С учетом существовавших в 1970–1980-х годах условий труда, можно говорить о низкой привлекательности села для трудоспособной русской женщины.

В малые сельские поселения русские женщины приходили через следующие каналы: во-первых, по государственному распределению специалистов сферы просвещения, здравоохранения и культуры; во-вторых, в качестве членов семей таковых специалистов, нередко в паре с супругом-учителем, медработником или работником технических служб. В устных историях малых якутских сел почти всегда присутствует фигура русской женщины – фельдшера, акушерки, учительницы, библиотекаря, или она присутствует в качестве супруги русского мужчины – «жена радиста Виктора», «жена метеоролога Васи» и тому подобное. Еще один путь для русской женщины в якутское село – брак с местным мужчиной. Этот вариант встречался в различных устных историях о 70–80-х годах прошлого века. Речь чаще шла о браках молодых специалистов, но нами фиксированы и браки людей уже в среднем и старшем возрасте, нередко являющиеся повторными для одного или обоих супругов. Часто информанты преподносили такие истории как романтические, подчеркивая неординарность, определенную авантюристность такого выбора [8, 10].

Можно сказать, что к середине прошлого века в якутских селах существовал позитивный социальный имидж русской женщины. Он сложился благодаря русским женщинам – представительницам старожильческого населения и прибывшим из других регионов, которые трудились в сферах образования, здравоохранения и культуры с таким энтузиазмом, на уровне подвижничества, что на долгие годы определили почти культовый статус в сознании сельских жителей Якутии [5]. Во второй половине XX века в якутских селах еще проживали и работали, пусть в небольшом количестве, русские из эвакуированных или сосланных в годы войны, среди которых были женщины с высшим образованием, с прекрасным воспитанием, что также влияло на позитивный имидж русской женщины. Таким образом, статус русской женщины, имеющей социально престижную в освещаемый период профессию педагога или медработника, был достаточно высоким. Относительно этих женщин в воспоминаниях и интервью жителей малых якутских сел крайне редко встречается негативная или критическая

оценка их личностей или повседневного поведения. Возможно, здесь срабатывал региональный стереотип уважительного отношения к русским женщинам – учителям, фельдшерско-акушерскому персоналу. С начала прошлого столетия они были немногочисленной, но востребованной и в подавляющем большинстве своем очень профессиональной социальной группой.

Наряду с этим материалы по устной истории Якутии 1970–1980-х годов высветили сложный, порой противоречивый образ сельской русской женщины, нередко с негативными оценками ее социального поведения. В частности, нередко указывается на досадную кратковременность пребывания русской женщины в якутском селе, например в качестве учительницы или медика. Текучесть кадров молодых специалистов была высокой: полное отсутствие благоустройства в якутских селах, регулярного транспортного сообщения между малыми поселениями в сочетании с суровыми климатическими условиями усложняли адаптацию в иноязычном обществе. Это касалось не только молодых женщин, но и мужчин. Но почему-то в устных историях наиболее критично (осуждающе – Л. В.) вспоминают отъезд именно женщин-учительниц, врачей. Возможно, прерывание их деятельности наиболее болезненно отражалось на сельском социуме.

Одним из механизмов «закрепления» молодых специалистов – русских женщин в селах был брак с местным мужчиной. Если в колониальный период браки местных мужчин с русскими женщинами были редкими, прежде всего в силу их малочисленности, то во второй половине XX века численность русских женщин – старожилок или из мигрантов разных поколений была уже достаточной. Ситуация для них на брачном рынке была благоприятная: сырьевой регион с избытком славянских женихов трудоспособного возраста, это во-первых; а во-вторых, русская жена котировалась и у мужчин других национальностей, включая местных жителей. У русской женщины был большой выбор брачных партнеров. Интересно, что при таких благоприятных условиях русские женщины вступали в брак и с представителями коренных народов Якутии: якутами, эвенками, эвенками, чукчами. Благоприятная почва для включения русских женщин в местный брачный рынок поддерживалась как советской культурой интернационализма, так и региональными традициями терпимости к межэтническим бракам. По причине своей малочисленности якуты и представители малочисленных народов Севера традиционно терпимы к смешанным бракам между лицами разной национальности и вероисповедования. За советский период в повседневной жизни якутов представления о приемлемости браков с русскими упрочились: именно якутско-славянские (с русскими и украинцами) браки были самой большой группой смешанных браков.

Для русской женщины, прибывшей в незнакомый край в качестве молодого специалиста или члена семьи мигрантов, брак с местным мужчиной, особенно с прочным социальным статусом, означал решение многих бытовых, материальных и финансовых проблем. Многие информанты убеждены, что дети от смешанных браков с русскими даже при ординарных внешних данных матери и отца выглядят ярко, эффектно, а также часто отличаются даровитостью в искусствах, науках и спорте. В якутских селах, традиционно уважающих многодетность и наличие здоровых детей, в качестве одной из причин заключения брака с русской женщиной бытует расчет на жизнеспособность метисного потомства.

Анализ устных историй обнаруживает и прагматичные аспекты такого брака: в якутских селах русская жена для мужчины-якута, имеющего образование и профессию, могла стать и часто служила своеобразным «социальным лифтом». Он мигрировал в более крупное поселение, в промышленный поселок или город, иногда за пределы республики. Иначе говоря, для него открывались новые профессиональные и карьерные горизонты. Для членов партии, активистов комсомола и профсоюза наличие русской жены также могло стать «пропуском» наверх – в советском обществе такой мужчина выглядел воплощением идеи об истинном интернационалисте, что в полиэтничной республике весьма приветствовалось.

В устных историях якутских сел высвечивается факт престижности русской невесты для местных сельских женихов. Подчеркнем, что среди ее преимуществ наши информанты отмечали способность русских женщин выстраивать вертикальную мобильность мужа: «лепить мужчину из того, что было», поощрять амбиции и способствовать его профессионально-карьерному росту. Вокруг браков мужчин коренных национальностей с русскими женщинами существует целый пласт мифов, легенд и предубеждений. У информантов изредка звучит мнение об «особой непрочности» браков с русскими женщинами, но статистика на уровне сел, улусов или региона это мнение не подтверждает. Возможно, оно скорее свидетельствует об обостренном внимании к подобным бракам, жесткой фиксации любых негативов.

Русская женщина в селе Якутии периода 1970–1980-х годов вызывала особый интерес как представительница другой культуры. Об этом свидетельствует сохранившаяся красочность воспоминаний по сюжетам темы. В повседневности малых якутских сел к ней внимательно присматривались, следили за поведением, речью, манерами, внешним видом. Нередко они служили своеобразным эталоном, образцом для подражания. В частности, одна из информанток призналась: «Я тогда мечтала, вот закончу школу и буду красиво одеваться как русская учительница Вера Михайловна – буду ходить в белой гипюрной блузке. Буду такой же нарядной, как русские женщины в кино и в журналах» [7]. Часто отмечают трудолю-

бие, хозяйственную деловитость, умелые навыки русских женщин, особенно в домашнем быту, огородничестве, готовке европейских блюд.

Но рядом с позитивными характеристиками интеллигентных русских женщин в устной истории малых якутских сел бытуют и негативные оценки, адресованные женщинам русской национальности. В данном случае они относятся к позднему советскому периоду и к женщинам «русской внешности», работавшим в сферах торгового и транспортного сервиса, в геолого-разведывательных экспедициях и т. п. Анализ этих оценок показывает: репродуцируемое информантами негативное восприятие в основном связано с гендерным поведением русских женщин, в котором представителями коренных народов подчеркиваются: а) факты проявления низкой общей культуры поведения и общения; б) несоответствие внешнего вида и общественного поведения русских женщин традиционным, принятым тогда, гендерным нормам, в том числе и этническим.

Необходимо указать, что сельские якуты того времени к «русским» часто причисляли всех женщин европейской внешности или просто русскоязычных, с которыми контактировали в сферах транспортного и торгового сервиса, из персонала геологических экспедиций и т. п. В освещаемый период среди мигранток, преимущественно занятых в указанных сферах, преобладали лица с невысоким образовательным уровнем, прибывшие из трудоизбыточных районов в поисках северных заработков. Представители таких групп по типу психологии социального поведения еще в советские времена были обозначены как временщики.

Разумеется, Якутия 1970–1980-х годов не была оазисом, сохранившим в первозданном виде этнические гендерные традиции. В сфере повседневности гендерное поведение к этому времени неизбежно вобрало в себя компоненты и общесоветского, и этнического. При этом анализ собранных материалов обнаруживает достаточно высокую сохранность традиционных гендерных норм у якутов, что просматривается, в частности, в реконструкции повседневного поведения и мужчин и женщин. Примечательно, что в якутских селах 1970–1980-х годов мужчины демонстрировали подчеркнутую маскулинность, характерную для традиционных обществ, например равнодушие к слабостям и боли, к собственному внешнему виду, грубоватость в манерах. Как вспоминают информанты, мужчины старались выглядеть и вести себя «именно как мужчины: простые, без всяких вычурностей» [8, 9].

В отношении женщин, включая и русских жительниц сел, предъяснялись также консервативные гендерные требования. Полевые материалы подтверждают бытование элементов традиционного гендера в повседневности малых якутских сел. В частности, элементы женского поведения в быту и в обществе 1970–1980-х годов регламентировались достаточно

традиционными представлениями о том, что «можно» и что «нельзя» девушке и женщине. В частности, в сельских социумах не было общепринятым демонстрация девушками и женщинами своей сексуальной привлекательности, телесных форм. В малых селах было редким использование косметики, нарядов, открывающих шею и руки, короткие юбки. Так одеваются только русские женщины, считали в сельской глубинке, опираясь, видимо, на собственный визуальный опыт и образы русских современниц из журналов, телепередач и т. п. Отметим, что часто сельское общественное мнение *разрешало* русской женщине одеваться и выглядеть иначе, чем женщине-якутке, в силу именно их русской принадлежности.

Менее терпимо, критично оценивало якутское село их поведение в быту и в общественных местах. Пожилые женщины в якутских селах 1970–1980-х годов не принимали разные проявления женской русской эмоциональности, этнических норм поведения, например на похоронах. Были типичными следующие рассуждения по поводу русских женщин: «Русская женщина рожала в районной больнице, так кричала, так ругалась... Разве можно так отмечать рождение нового человека?!», «Громко плачут, рыдают на людях только русские женщины. Нельзя так открыто показывать свое горе...» и т. п. [8, 9, 10].

При этом якутское село приветствовало любые проявления уважения к культуре, обычаям, языку со стороны русских женщин. Особенно ценилось доброе отношение к старикам, соседям и детям – по этим коммуникационным общечеловеческим маркерам происходил постепенный «прием» чужой, прибывшей в село, русской женщины. «Жила тут фельдшерица русская, Валентина. Очень хороший человек, добрый как айыы (светлый дух в якутских поверьях. – Л. В.), бескорыстный, внимательный. У нас почти все дети ее времени носят имя Валентина или Валентин. Переехала потом в другой район Якутии, вслед за детьми выросшими...», – такое воспоминание вполне типично для якутских сел [7, 8]. С большим уважением в устной истории якутских сел упоминаются приезжие русские женщины, быстро овладевшие якутским языком. Практика принуждения к пользованию якутским языком в регионе отсутствует исторически, но русские старожилы или мигранты, длительно проживавшие в селах, якутским языком владели. По переписи 1989 года в сельском Алексеевском районе (ныне Таттинский улус) из 373 постоянно проживающих русских 363 считали родным языком русский, но свободно владели якутским 59 человек русских и 7 украинцев. В Чурапчинском районе из 277 русских 45 человек свободно говорили на якутском, в Верхневиллюйском – из 615 человек якутский язык знали 103 русских, в Сунтарском – из 1 286 русских на якутском говорили свободно 132 человека [4, с. 38, 41, 52, 55]. В промышленных районах

доля владеющих якутским языком русских была мизерной, и это были чаще всего уроженцы республики.

Анализ устных историй якутских сел показывает, что в сельском социуме рассмотренного периода русские женщины воспринимались больше как «свои». Общая система образования и воспитания, общие нравственные ценности в обществе, общность многих жизненных стратегий создавали базу для взаимопонимания и сосуществования в сельских социумах Якутии людей разной национальности. Успешной адаптации русских женщин способствовали объективные и субъективные факторы: советская культура воспитания и образования, принципы гуманистического общежития подкреплялись якутскими традициями этнокультурной толерантности.

История контактов якутов с русскими, с русской культурой насчитывает почти четыре века. В силу своей немногочисленности русские женщины в малых селах долго воспринимались как чуждая диковинка. Но примерно к середине прошлого века русская женщина Якутии завершила определенный этап в своей региональной идентификации: от некогда полумифического существа (неведомой, чужой, потому пугающей женщины) колониального периода она прошла путь до признания в качестве знакомого, привычного, «своего» члена сельских социумов. Русская женщина прочно заняла свою этнокультурную нишу в сельской местности, ежедневно отвечая на вызовы окружающей действительности: оставаясь «чужой» или становясь «своей» в якутских поселениях.

Литература

1. Аргунов И. А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). Якутск: Кн. изд-во, 1988. 232 с.
2. Барашкова А. С. Северная семья: демографические и социально-экономические аспекты. Новосибирск: Наука, 2009. 159 с.
3. Винокурова Л. И., Попова А. Г., Боякова С. И., Мрякянова Э. Т. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. 206 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Национальный состав населения Якутской АССР. Стат. сб. № 3. Якутск: Госкомстат РСФСР. Якут. респ. упр. статистики, апрель 1990 г. 106 с.
5. Женщины Якутии / Винокурова Л. И. (ответ ред.). Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. Т. 1. 116 с.
6. Народное хозяйство Якутской АССР за 60 лет: Юбилейный стат. сб. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 82 с.
7. Полевые материалы автора (далее ПМА – Л. В.). Информант Д. В., 1958 г. р. Запись 2006 г. в Мегино-Кангаласском улусе РС (Я).
8. ПМА. Информант И. М., 1931 г.р. Запись 2007 г. в Усть-Алданском улусе РС (Я).
9. ПМА. Информант М. Б., 1937 г. р. Запись 2007 г. в Чурапчинском улусе РС (Я).
10. ПМА. Информант Т. Н., 1942 г. р. Запись 2011 г. в Верхневиллюйском улусе РС (Я).

Рецензент – Соколова Флёра Харисовна,
доктор исторических наук, профессор.